

В. К. Кельмаков (Ижевск)

**Вклад И. В. Тараканова в историческую фонетику
удмуртского языка**

0. До начала творческой деятельности И. В. Тараканова проблемами исторической фонетики удмуртского языка занимались преимущественно зарубежные исследователи, в их числе Т. Г. Аминофф, Ю. Вихманн, Т. Е. Утила, Дь. Лако, Э. Итконен и некоторые другие. Что касается отечественных пермистов, то предшественниками юбиляра явились со своими частными и/или обобщающими исследованиями А. И. Емельянов, Д. В. Бубрих, В. И. Лыткин. И лишь в творчестве профессора Тараканова собственно удмуртское языковедение смогло обратиться к изучению рассматриваемой области – к исторической фонетике.

1.1. Этому способствовали два фактора: с одной стороны, именно И. В. Тараканов впервые в истории отечественного удмуртоведения всерьез обратился к инструментальному изучению фонетики удмуртского языка, и, во-вторых, он же приступил к детальному описанию современного (т. е. 50-х гг. XX в.) состояния фонетики одного из говоров архаичного периферийно-южного диалекта удмуртского языка. Речь, разумеется, идет о его кандидатской дис-

сертации "Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных)", защищенной в 1959 г. [Тараканов 1959; 1959а]. Именно в рамках данного исследования И. В. Тараканов обратил серьезное внимание некоторым вопросам истории удмуртской (в первую очередь диалектной) фонетики, чему были посвящены отдельные главы рукописной монографии. Определенные ее положения по данной проблематике были вкраплены в публикациях по рассматриваемой диссертации, произведенной в конце 50-х – начале 60-х гг. истекшего столетия: "Об ударении в удмуртском языке" [Тараканов 1959б], "О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка" [Тараканов 1959в], "Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке: На материале бавлинского диалекта" [Тараканов 1960]; значительная же часть совместно с предыдущими публикациями была обнародована лишь 40 лет спустя в книге "Исследования и размышления об удмуртском языке" [Тараканов 1996: 8–165]. К этой же серии примыкают несколько работ, выполненных в начале 60-х гг. и посвященных вопросам фонетики других диалектов: "Udmurdi keele Uvaa-Vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned fonetilis-morfoloogilised erijooned" [Tarakanov 1963], "К вопросу истории и развития неслогового *ʏ* в удмуртском языке" [Тараканов 1964], "О некоторых фонетических процессах в диалектах удмуртского языка" [Тараканов 1967].

1.2. Вторично И. В. Тараканов вернулся к проблемам исторической фонетики спустя десятилетие на новом материале: в связи с исследованием удмуртско-тюркских языковых контактов им рассматривались особенности фонетической адаптации болгарских и татарских заимствований в удмуртском языке и обусловленные ими фонетические инновации и консервации в удмуртских диалектах. Его основные положения этого времени изложены в следующих публикациях: "Об особенностях развития островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции" [Тараканов 1976: 272–282], "О болгарских заимствованиях в удмуртском языке" [Тараканов 1980: 127–128]; "Заемствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты" [Тараканов 1982: 25–29, 109–129] и др.

2. Поскольку И. В. Тараканов подошел к исторической фонетике удмуртского языка через призму бавлинского диалекта, фонетические особенности именно этого говора и послужили основным объектом и отправным пунктом для исторического анализа ряда явлений и процессов в фонетике удмуртского языка.

2.1. В области **фонемной парадигматики** им рассмотрены следующие явления и процессы:

1) огубленная фонема *õ* (= *o*), которую со ссылкой на мнение В. И. Лыткина, выводит "из прапермского языка-основы", где она "очевидно, была лабиализованной". Древнее состояние данной фонемы сохранилось в бавлинском и некоторых окраинных диалектах, в основной же массе удмуртских диалектов она пережила делабиализацию [Тараканов 1959в: 188; 1998: 81];

2) огубленная фонема *ũ* (= *u*): удмуртский ученый, отклоняя мнение Т. Г. Аминоффа, Ю. Вихманна, Д. В. Бубриха и др. о вторичном характере *ũ*, возникшего из *u* под влиянием фонетического окружения, принимает гипоте-

зу В. И. Лыткина о первичности данной фонемы в диалектах [Тараканов 1959в: 189]: “Фонема *ÿ*, сохранившаяся в бавлинском и других окраинных диалектах, *имеет глубокие исторические корни* (здесь и далее выделение полужирным курсивом мое. – В. К.) и восходит к общедревнепермскому закрытому *ö*” [Тараканов 1998: 86]. Здесь явно звучит полемика удмуртского ученого с Д. В. Бубрихом, утверждавшим (как впоследствии выяснилось, ошибочно), что “диалектное удмуртское *y_ы* (= *ü* = по Тараканову *ÿ*), как принято думать, *не имеет особенно глубоких исторических корней*” [Бубрих 1948: 33];

3) фонема *ä*, возникновение которой в бавлинском диалекте И. В. Тараканов первоначально объясняет воздействием внешнего фактора – “ничем иным, как влиянием татарского языка” [Тараканов 1959в: 188, 203; см. также: 1982: 128]; несколько позднее (в 1976 г.) он воспринимает внутрисистемный фактор как основную причину появления новой фонемы *ä* в отдельных удмуртских диалектах: “Причину проникновения фонемы *ä* в островные говоры В. К. Кельмаков объясняет наличием так называемой “пустой клетки” в системе вокализма. <...> Нам кажется, что данное предположение не лишено научного основания” (цитируется по: [Тараканов 1998: 159]);

4) заднерядный вариант *ë* фонемы *i*: вопреки мнению Э. Итконена и Д. В. Бубриха, считавших гласный *ë* вторичным (из более раннего **i*), И. В. Тараканов первоначально склоняется к гипотезе В. И. Лыткина о первичности *ë*: “Учитывая тот факт, что заднерядное *ы* (*i*) встречается лишь в окраинных диалектах коми и удмуртского языков, сохранивших наиболее архаичные черты этих двух языков, В. И. Лыткин, наоборот, склонен за первоначальную форму брать именно данный вариант. Мы также придерживаемся этого мнения” [Тараканов 1959в: 190; см. также: 1998: 87–88]. Следует заметить: при определении первичности какого-либо языкового явления апелляция лишь к маргинальному характеру диалекта, содержащего искомое явление, весьма шатка, ибо окраинные диалекты способны не только сохранять архаичные элементы, но и приобретать новые особенности. Не случайно позднее (1976) И. В. Тараканов вынужден был отказаться от своего первоначального мнения относительно первичности *ë* в сравнении с *i*: “Однако новые данные не подтвердили наше предположение” (цитируется по: [Тараканов 1998: 161]);

5) заднеязычный носовой согласный *ŋ*, который удмуртский автор, в подтверждение мнения А. Пенттилы, А. И. Емельянова [1927: 52–53], возводит к “общефинно-угорскому языку-основе” [Тараканов 1959в: 190–191; 1998: 88], хотя ряд его предшественников (напр., Т. Г. Аминофф, Г. Е. Верещагин и др.) считали *ŋ* поздней инновацией в удмуртском языке, обусловленной иноязычным (татарским) влиянием; сохранение в бавлинском диалекте данной фонемы, давно утраченной северными и срединными говорами и постепенно идущей к исчезновению даже в южных диалектах удмуртского языка, автор совершенно справедливо объясняет соседством “с тюрко-татарскими народностями, из языков которых они (окраинные диалекты. – В. К.) в течение нескольких столетий заимствовали слова с заднеязычным звуком *ŋ*” [Тараканов 1959в: 191];

б) согласный \ddot{y} (= μ), употребляющийся в анлауте перед a в составе “15–16 корневых слов”¹: $\ddot{y}a\ddot{y}um$ ‘век’, $\ddot{y}a\ddot{y}ij\ddot{z}$ ‘оглобля’, $\ddot{y}al'es$ (о: $\ddot{y}al'эс$) ‘постель’, $\ddot{y}ad'es$ (о: $\ddot{y}ad'эс$) ‘время, период’, $\ddot{y}az'en$ (о: $\ddot{y}az'эн$) ‘раньше, прежде’ и т. д. – в праудмуртском языке представлял собой самостоятельную фонему, противопоставленную фонеме e , т. е. “эти звуки некогда представляли в удмуртском языке две различные самостоятельные фонемы” [Тараканов 1964: 76–77]. Причем фонема e “по происхождению восходит к общефинно-угорскому языку-основе” и сохранилась во всех диалектах до сих пор [Тараканов 1964: 77]; согласный же \ddot{y} ученый, со ссылкой на В. И. Лыткина, возводит к общепермскому периоду.

И ряд других явлений.

2.1. В области фонемной синтагматики объектом исследования удмуртского ученого стали следующие процессы и явления, имевшие место в истории бавлинского и ряда других диалектов удмуртского языка:

1) употребление \ddot{a} перед велярными согласными или в позиции между \ddot{z} , \ddot{s} и палатальными, характерное для некоторых диалектов (бесермянского наречия, кукморского, бавлинского и др. говоров) на месте i большинства диалектов удмуртского языка (см. примеры по бавлинскому диалекту: $g\ddot{a}\ddot{z}\ddot{a}$ ‘ногти, когти’, $\ddot{z}\ddot{a}l'a$ ‘цепь’, $\ddot{z}\ddot{a}\eta\eta\ddot{a}r\ddot{i}\ddot{t}\ddot{a}\ddot{n}\ddot{a}$ ‘звенеть, зазвенеть’, $\ddot{a}\ddot{s}kan\ddot{a}$, $\ddot{a}\ddot{s}kalt\ddot{a}\ddot{n}\ddot{a}$ ‘дергать, выдернуть’, $\ddot{s}\ddot{p}\ddot{a}r\ddot{i}\ddot{t}\ddot{a}\ddot{n}\ddot{a}$ ‘шептаться’, $\ddot{d}\ddot{z}\ddot{a}kat\ddot{a}\ddot{n}\ddot{a}$ ‘удушить, задушить, стиснуть’ и др. – эти слова “в говорах северных и средних (о: срединных? – В. К.) удмуртов произносятся через i ”). Это явление до сих пор не нашло достоверного исторического объяснения – не выяснено, который из членов корреспонденции $\ddot{a} // i$ является исторически первичным (\ddot{a} или i); не определено также, не восходят ли оба к третьей фонеме (см., напр.: [Кельмаков 1992: 163]). У профессора Тараканова свой ответ на эти вопросы: “...произношение приведенных и им подобных слов через i является результатом позднейшего развития” [Тараканов 1959в: 201]. К сожалению, это положение ничем и никак не аргументировано автором, и посему научная значимость его (положения) значительно снижается;

2) свойственное для многих южноудмуртских диалектов, в их числе и бавлинского, замещение первичного y (i) гласным u (i) в соседстве с палатальными согласными и j в различных категориях морфем и в зависимости от этого завершившееся с различными последствиями (на последние автор еще не обратил своего внимания):

а) в пределах первого слога корневого морфемы (слоговой состав слова в данном случае безразличен): vil' вм. $v\ddot{a}l'$ ‘новый’, tis вм. $t\ddot{a}s$ ‘зерно, семя’, $pi\ddot{z}$ вм. $p\ddot{a}\ddot{z}$ ‘мука’, $bi\ddot{z}\ddot{a}\ddot{n}\ddot{a}$ вм. $b\ddot{a}\ddot{z}\ddot{a}\ddot{n}\ddot{a}$ ‘бежать, протекать, струиться, выйти замуж’ [Тараканов 1959в: 198; 1960: 134]. Это явление, имевшее место в позиции перед палатальными согласными, на обильном материале было обследовано в свое время Ю. Вихманном [Wichmann 1915: 19–20, 22] и подтверждено А. И. Емельяновым [1927: 16–17];

б) конечного гласного $-y$ многосложных основ перед суффиксальным j в $-u$ ($-i$), которое было отмечено еще Т. Г. Аминофтом в “казанском” (ныне кук-

¹ В последнее время количество корневых слов на $\ddot{y}a$ - обнаружено в удмуртских диалектах около 30 [Кельмаков 1997: 61–70].

морском) диалекте (ср.: *busy* 'поле' – *busi-jē* 'в поле (куда?)', *busi-jen* '(с) полем' [АминOFF 1896: 14]), напр.: *šundā* 'солнце', *šundijez* 'солнца (о: 'солнце (акк.)'. – В. К.)' вм. *šundājez* [Тараканов 1959в: 196]; *tāpā* 'дуб' – *tāpijos* 'дубы', *gūtā* (лит. *гумы*) 'стебель' – *gūmijos* 'стебли', *purtijen* (лит. *пуртыен*) 'с котлом', *tōd'ijez* (лит. *тōддыез*) 'белый (этот)', *lāmijanā* (лит. *лымыяны*) 'идет снег (букв. снежить)' из *lāmā* 'снег' и др. [Тараканов 1960: 129–130]. В отличие от предыдущего случая, комбинаторное замещение фонемы *ы* (*i*) гласным *и* (*i*) в данных формах привело к возникновению в южноудмуртских говорах (в их числе и в бавлинском) чередования *-ы(-) // -и-*, напр.: *лымы* 'снег', *лымы-тэк* 'без снега', *лымы-лы* 'снегу' // *лыми-йэн* '(со) снегом', *лыми-йис* 'из снега' и др.;

в) перед палатальным *š* в составе 'суффиксов "во всех именных, отглагольных, послеложных и всяких других образованиях", напр.: *kātiš* (лит. *кытысь*) 'откуда', *gurtiš* (лит. *гуртысь*) 'из деревни', *uramišen* (лит. *урамысен*) 'с улицы', *vil'is* (лит. *выльысь*) 'снова', *matiš* (лит. *матысь*) 'ближний', *tiigorāz pit'ijis* (лит. *мугорыз пичиысь*) 'от того (о: оттого), что ростом мал' и др. [Тараканов 1960: 132]. Этим изменением было обусловлено варьирование определенных служебных морфем и тем самым увеличено количество дифференциальных признаков между северным и южным наречиями удмуртского языка, ср.: сев. *-ыс'* // южн. *-ис'*, сев. *-ыс'эн* // южн. *-ис'эн* и др.;

3) переход гласного *и* первого слога под влиянием палатальных согласных и *j* в *й* в бавлинском диалекте [Тараканов 1959в: 189, 196; 1998: 86]. Причем этот звукопереход возведен им в абсолют: "Как видно, во всех тех случаях, когда (выделение полужирным курсивом мое. – В. К.) звук *й* употребляется в соседстве с палатальными согласными, он вторичного происхождения. <...> Гораздо легче проследить процесс рассматриваемого звукоперехода в заимствованиях, так как их исходный фонетический состав в большинстве случаев установить нетрудно, ср. например: *kūl't'o* (из *kul'tš'o* < рус. кольцо), *t'ijān* < рус. чугун, (заимствовано, очевидно, через татарский язык из *чуен*), *kūjta* (о: *kūjta*) < тат. *койма* 'забор', *t'ümer* < тат. *чумар* 'клетки', *kūjā* < тат. *кое* 'колодец', *t'ūjak* < тат. *туяк* 'копыто', *tūn'olo* ~ *miñ'olo* < тат. *мунчала* 'тряпка'" [Тараканов 1960: 136–137]. Возникновение *й* из *и* в положении перед палатальными согласными – факт общеизвестный в фонетике периферийно-южных говоров (ср., напр.: [АминOFF 1896: 11; Wichmann 1915: 9–10; Емельянов 1927: 13–14]), но этот звукопереход все же не стóит абсолютизировать, поскольку в указанной позиции возможен и первичный *й*, не восходящий к более раннему *и*, например, в словах: *nūl'* (лит. *ныль*) 'четыре', *kūd'okān* (лит. *кыдōкын*) 'далеко, вдали', *tūño* (лит. *мунē*) 'кукла' и др.;

4) устранение сочетания согласных в начале и конце слова, имевшее место в истории прапермского (> удмуртского) языка: *кырым* из < *кырм-*, ср. мар. *кормыж*, мокша-морд. *курмозь*; *turāt*, лит. *турын* 'трава', ср. фин. *tarna* и др.; далее: бавл. *gārāk*, лит. *гырк* 'дупло', коми *гырк* 'внутренность', *pariš*, лит. *парсь* 'свинья', коми *парсь* (о: *порсь*), *metār*, лит., рус. *метр* и др. [Тараканов 1959в: 193–194; 1960: 142; 1982: 128]. Сюда же ошибочно отнесены автором и такие общеудмуртские слова, как *ыскал* ~ *искал* ~ *скал* 'корова', *тырос* ~ *трос* 'много' [Тараканов 1959в: 194] со "вставочными" в пределах пер-

вого слога гласными *ы* и *и*, хотя в данных случаях дело обстояло скорее наоборот: гласные *ы* и *и* здесь являются первичными². Не случайно позднее при рассмотрении другого фонетического явления Иван Васильевич – возможно, неожиданно и для самого себя – счел нужным “исправить” свою прежнюю ошибку: “Стечение нескольких согласных встречается лишь в начале отдельных слов, которые, очевидно, составляют исключение. К ним относятся *troš* (< *tjros*) ‘много’, *krež* (< *kjrež*) ‘гусли’, *skal* (диал. *iskal*, *jskal* ‘корова’), где сочетание возникло в связи с выпадением гласного первого слова (о: слога. – В. К.)” [Тараканов 1967: 191];

б) историческое изменение первичного *a* (возможно, и *e*) непервых слогов слова в *o*, обусловленное, по его мнению, “ассимиляторным воздействием <...> огубленных гласных *o*, *u*, *ö* и *ü*” первого слога, которое охватило не только исконные слова, но и тюркские и единичные русские заимствования, напр.: удм. *luo*, коми *луа* (о: *лыа*) ‘песок’; удм. *ožo*, коми *ежа* (о: *эжа*) ‘дерн’; *d’ubo* (лит. *юбо*) < чув. *juba* ‘столб’, *urobo* < чув. *uraba*, *oraba* ‘телега’, *šurlo* < чув. *šurla* ‘сerp’; *uko* < тат. *ука* ‘позумент’, *ňukto* < тат. *нукта* ‘недоуздок’, *tel’bugo* < тат. *тилбуге* (о: *дилбегэ*) ‘вожжи’; *kuso* < рус. *коса* (орудие), *murdo* < рус. *морда* ‘мережа’ и др. [Тараканов 1960: 128–129; см. также: 1982: 110]. Причину возникновения этого весьма заметного в истории удмуртского языка и уже до И. В. Тараканова замеченного его предшественниками (см., напр.: [Wichmann 1903: 26–27; Емельянов 1927: 33–34; и др.]) фонетического изменения удмуртский ученый видит исключительно в ассимиляционном (лабиализующем) воздействии огубленных гласных 1-го слога на неогубленный(-е) гласный(-е) “конца” слова: “...во всех тех случаях, когда (выделение полужирным курсивом мое. – В. К.) в позиции первого слога выступали фонемы *u*, *ü* или *o*, в двух или трехсложных словах в конечной позиции мы везде встречаем в настоящее время фонему *o*” [Тараканов 1960: 128]. Эта цитата, раскрывая в целом определенную тенденцию в замещении неогубленных гласных непервых слогов гласным *o* в конкретных случаях, все же содержит ряд неточностей: 1) историческая субституция **a* гласным *o* имело место не столько “в конечной позиции”, т. е. в ауслaute, сколько в непервом слоге слова (ауслaut лишь частный случай), о чем недвусмысленно свидетельствуют материалы, в том числе и Ю. Вихманна: удм. *k i z o n* ‘г. Казань’ = чув. *χ i z a n*, *хозан*; удм. *tušmon* ‘неприятель, враг’ = чув. *tōšman*, *tušman*; удм. *t’šokmor* ‘дубина’, коми *t’šokmar* ‘колотушка’ = чув. *čukmár*, *čokmár*; удм. *t’šibor* ‘пестрый’ = чув. *t’šivar*: и др. [Wichmann 1903: 26–27]; или самого автора: *уко* > тат. *ука* (о: *уко* < тат. *ука*. – В. К.) ‘позумент, галун, канитель’ – но: *тузон* южн., пю. < тат., башк. *тузан* ‘пыль’, *умой* ‘хороший, хорошо, добрый’ > тат., башк. *уңай* (о: *умой* < тат., башк. *уңай*. – В. К.) ‘удобный, подручный, подходящий, удобно’, *сукмок* бавл. < тат. *сукмак*, башк. *һукмак* ‘тропа, стежка’, *чулок*, *т’улок* бавл. < тат. *чулак*, башк. *сулак* ‘криворукий, су-

² На это в свое время указали Т. Г. Аминофф [Aminoff 1896: 14–15] и Д. В. Бубрих. Последний писал: “В удмуртском языке сочетание согласных в начале слова могло возникнуть в связи с выпадением гласного первого слога. Примеры: *трос* из *тырос* ‘много’, *крэз* из *кыроз* (диалектно сохранившегося) ‘гусли’, *прак* из *тырак* ‘точь-в-точь’, *скал* из *ыскал*, *искал* или *сыкал* (диалектно сохранившихся) ‘корова’ (примеры и их переводы оформлены по современным требованиям. – В. К.)” [Бубрих 1948: 80].

хорукий' и др. [Тараканов 1982: 110–111, 127]; 2) не соответствует действительности и абсолютизирование соотношения "огубленный гласный первого слога – *а > о в непервом слоге": возможно, с одной стороны, сохранение первичного а в непервых слогах слова даже при наличии огубленного гласного в первом (*бурлат* 'кумач', *сюан* 'свадьба', *юача* 'сдобная удмуртская коврижка', *тушак* 'перина', *чонари* 'паук, мизгирь'; в воршудных наименованиях – *Дурга*, *Пурга*, *Пудга*, *Уча*, *Кушъя*, *Можга*, *Конья* и т. д.); с другой стороны, появление вторичного о (< *а) в тех случаях, когда первый слог слова содержит неогубленный гласный, напр.: (гласный е) *кекон* 'зимовник осенний', *чэмон* 'зоб (у птиц)', (гласный і) *кион* 'волк', *зиллэ* 'овсянка', (гласный а) *айшон* 'айшон (старинный головной убор замужней женщины)', *ардо* 'окно (в болоте)', (гласный ј) *кышно* 'жена', *йылол* 'привычка, обычай' и т. д., – с другой; 3) ассимилирующее (лабиализирующее) воздействие огубленного гласного первого слога на гласные непервых слогов не может быть квалифицировано как основная причина праудмуртского фонетического изменения *а(-) > о(-), ибо такое объяснение не ставит точку над і, т. е. не дает ответа на простой вопрос, почему эта ассимиляция стала возможна лишь в определенный период истории удмуртского языка – не раньше, не позже, не в прапермском или в близкородственном коми языке, в которых также не было и нет недостатка в огубленных гласных в пределах первого слога (подробнее об этом см.: [Кельмаков 1975]);

8) субституция анлаутного ј в бавлинском диалекте различными фонемами: 1) "переднесреднеязычно-палатальным" d'; 2) "в позиции перед заднеязычными g, k второго слога" – "переднесреднеязычно-палатальным" l' [Тараканов 1959в: 191, 201, 203]³; причем причину звукоперехода j- > d'- в начале своей творческой деятельности (1959) он находил "на удмуртской почве благодаря артикуляционной близости среднеязычного ј к переднесреднеязычно-палатальным согласным, как это произошло в отдельных диалектах прибалтийско-финских языков" (цитируется по: [Тараканов 1998: 92–93]); позднее (1976), отказавшись от своего прежнего мнения, присоединился к "выводам тех исследователей, которые возникновение деканья объясняют влиянием контактирующих диалектов татарского языка" (цитируется по: [Тараканов 1998: 163; см. также: 1982: 122, 128]). Правда, и в последнем случае одну причину не следовало бы противопоставить другой, поскольку звукопереход j- в d'- явился, по существу, результатом взаимодействия, с одной стороны, внутренних факторов, и не столько "благодаря артикуляционной близости среднеязычного ј к переднесреднеязычно-палатальным согласным", сколько иных, таких как: 1) наличие в консонантной системе удмуртских диалектов согласных фонем й и d'; 2) звонкий анлаут⁴; 3) отсутствие первичной оппозиции й : d' в абсолютном начале слова [Кельмаков 1969: 215–216; 1974: 57; 1993: 43]; с другой стороны, "влиянием контактирующих диалектов татар-

³ Эти процессы, протекавшие в различных диалектах удмуртского языка, были замечены пермистами уже в конце XIX – начале XX в. [Aminoff 1896: 17; Емельянов 1927: 55; Uotila 1933: 70–73; и др.].

⁴ "В тех языках, где существует абсолютное глухое начало слова, начальный ј вообще не подвергается никаким изменениям, в том числе аффрикатизации". "Сохранение начального ј возможно и при наличии звонких согласных в начале слова, но превращение ј в аффрикату при наличии абсолютного глухого начала слова невозможно" [Серебрянников 1964: 30–31].

ского языка”, о чем, кажется, впервые высказался еще Т. Г. Аминофф [Ami-poff 1896: 17].

9) палатализация переднеязычных согласных – чаще всего *n* и несколько реже *d*, *t* – под “влиянием соседних переднеязычных (о: переднерядных. – В. К.) узких гласных” [Тараканов 1959в: 199], причем процесс распространяется не только на лексику исконного происхождения, но и на заимствованную, напр.: *iñ* (лит. *ин*) ‘небо’, *kiñ* (лит. *кин*) ‘кто’, *siñ* (лит. *син*) ‘глаз’, *piñal* (лит. *пинал*) ‘молодой’, *git'* (лит. *гид*) ‘хлеб (о: хлев. – В. К.)’, *puñit'* (лит. *пумит*) ‘напротив’; (булг.) *burt't'iñ* (лит. *буртчин*) ‘шелк’; (тат.) *d'etiñ* (лит. *етин* (о: *etün*)) ‘лен’; (рус.) *kukš'iñ* < рус. *кувшин* и т. д. [1960: 139–140] (об изменении *t > t'*, *d > d'*, *n > ñ* в отдельных диалектах под влиянием предшествующего *i* см. также: [Емельянов 1927: 41, 51]);

10) вставочные звуки *m*, *n*, *k* и *t* удмуртский ученый вслед за В. И. Лыткиным считает результатом сохранения в соответствующих условиях звукосочетаний *-ñm-* ~ *-nm-*, *-žn-*, *-sk-*, восходящих “к общефинно-угорским сочетаниям *-lm-*, *-sk-* и, очевидно, *-žn-*”: *iñ* (лит. *ин*) – *iñme* (лит. *инме*) ‘в небо’, коми *ен* ‘бог’ (*енмос* (о: *енмӧс*) ‘бога’), эст. *ilm* ‘свет, мир, погода’, фин. *ilma* ‘воздух, погода’; *piž* (лит. *пызь*) ‘мука’ – *pižnanā* (лит. *пызьнаны*) ‘посыпать мукой’, коми *пызьна* (диал.) ‘мучной’; *küs* (лит. *кус*) – *küskām* (о: ? *küskān*) (лит. *кускын*) ‘в пояснице’, коми *кос* (*коск-*), эст., фин. *kesk*, *keski* ‘средний, центральный’; *käk* ‘два’ – *käkjeti* ‘второй’, коми *кык* (без вставочного звука), мар. *коктым*, фин. *kahte-* ‘два’ и др. [Тараканов 1960: 144]. При этом автор в ряде слов, по крайней мере в таких, как: *puš* ‘внутренность’ – *puškān* ‘внутри, в (предлог)’, *urdes* ‘бок’ – *urdeskiš* (лит. *урдсысь*) ‘с боку, с боковой стороны’, *pādes* ‘дно’ – *pādeskān* ~ *pādesān* (лит. *пыдсын*) ‘на дне’, *bādes* ‘целый, полный’ – *bādeskān* ‘целиком, полностью’; *ulep* ‘живой’ – *ulepkān* ‘заживо, живьем’; и др. – появление в косвенных формах сочетаний *-sk-*, *-pk-* считает не восстановлением прежнего сочетания, а результатом действия аналогии [Тараканов 1960: 144–145]. В положения автора, приведенные в данном абзаце, следует, по-видимому, внести некоторые уточнения: 1) в слове *pušk-* элемент *k* является не результатом действия аналогии, как квалифицирует его автор, а все же реликтом древней основы, ср. коми *пытиш* ‘внутренность’ – *пытишкын* ‘внутри’ (ср. мар. *пүшко* ‘внутренности животных’ [КЭСК: 237]); 2) в словах типа *urdes(k-)*, *pādes(k-)*, *bādes(k-)* сочетание *-sk-*, вопреки мнению И. В. Тараканова, также является результатом сохранения в косвенных формах более раннего сочетания: суффикс *-с* исторически восходит к допермскому **-ksz* (см., напр.: [Uotila 1933: 318–320]); 3) *-pk-* в слове *ulep(k-)* ‘живой’ Т. Э. Уотила считает возможным квалифицировать как сочетание двух суффиксов (правда, он не определил, каких) [Uotila 1933: 284].

И ряд других явлений.

2.3. Проблемы истории акцентуации удмуртским ученым специально не исследованы, имеется лишь попутное замечание в статье, посвященном синхронному описанию современного словесного ударения в бавлинском диалекте: “...весьма трудно на материале одного или нескольких диалектов установить причину колебания ударения в них, так как неизвестно, является ли произношение слов с ударением не на первом слоге рефлексом прежнего ударения

(поскольку фиксированный современный тип ударения в удмуртском языке сложился не столь давно под влиянием тюрко-татарских языков), или же оно — явление еще более позднего развития...” [Тараканов 1998: 76]. Судя по этой пространной цитате, И. В. Тараканов, во-первых, придерживается мнения о первичном ударении не на последнем слоге слова, и, во-вторых, удмуртское ударение на последнем слоге появилось поздно под влиянием тюркских языков. Ни та, ни другая мысль в удмуртском языкознании не была нова.

3. Серьезное место в лингвисторических штудиях отводится определению *времени* и *причины* языковых изменений.

3.1. В ранних трудах И. В. Тараканова в подавляющем большинстве исследованных им случаев *время* протекания фонетических процессов в абсолютных датах (ни приблизительно, ни точно) не определяется; имеются лишь редкие замечания типа: “результат позднейшего развития” [Тараканов 1959в: 201], “продукт позднейшего развития” [Тараканов 1959в: 203], “не столь давно” [Тараканов 1998: 76] или, несколько более точно — “в прошлом, в истории развития общеудмуртского языка” [Тараканов 1960: 128] и т. д. Лишь изредка автор счел возможным дать относительную хронологию двух фонетических процессов — в частности, перехода *j*- в *l'*-, с одной стороны, и *j*- в *d'*-, — с другой: “Надо полагать, что эти звуковые явления происходили, очевидно, одновременно. Нам кажется, что переходу *j* в *d'* несколько предшествовал переход *j* в *l'*, так как первое звуковое явление охватывает менее широкий круг диалектов, чем последнее” [Тараканов 1998: 91].

В более поздних исследованиях автора имеется попытка определить абсолютную хронологию определенных фонетических изменений. Например, переход *a* > *o* в непервых слогах слова, по его мнению, произошел “в массовом порядке в период до XVII века”, в целях подтверждения своей мысли автор обращается к другим исследователям: “Венгерский ученый Чуч Ш. переход *o* > *y* относит к XV–XVI векам<...> Кельмаков В. К. склонен датировать более ранним временем XIV–XV вв.<...>” [Тараканов 1982: 111]. При этом не совсем понятно, почему для аргументации своей гипотезы относительно времени звукоизменения *a* > *o* (в непервых слогах) автор ссылается на ту часть работ других исследователей, в которой речь ведется о времени протекания совершенно иного фонетического процесса — **o* > *y* (в пределах первого слога).

3.2.1. Что касается выявления *причин* фонетических изменений или неожиданного сохранения архаичных явлений в той или иной системе, то в них нет недостатка, хотя справедливости ради следует заметить, что зачастую автор не оригинален: он или подтверждает гипотезу предшествующих исследователей, или же — при наличии множества предположений — выбирает одно из них. К тому же следует заметить, что причину языковых изменений И. В. Тараканов ищет преимущественно среди видимых, внешних, факторов, таких как:

1) “ассимиляторное воздействие” (развитие *ÿ* из *и* под влиянием палатальных согласных [Тараканов 1959в: 189; 1960: 136; 1998: 86], *o* > *ö* в соседстве с палатальными [Тараканов 1960: 137], замена велярных *n*, *d*, *t* их палатальными соответствиями *ñ*, *d'*, *t'* после *i* [Тараканов 1959в: 199; а также: 201; Тараканов 1960: 139–140], и др.);

2) “следствие диссимиляции” (переход *j*- в *l'*-, происходивший в позиции перед задненебными *g* и *k* [Тараканов 1998: 91]);

3) “по аналогии” (*kūšpā* (лит. *кызьпу*) ‘береза’ и *ripāā* ‘лутошка, лутоха’ “очевидно, по аналогии со словом *tāpā*” [Тараканов 1960: 127]);

4) “как следствие артикуляционной близости” (изменение *j*- > *d'*- в ряде периферийно-южных диалектов [Тараканов 1959в: 191; 1998: 92–93]);

5) влияние соседних языков – татарского (возникновение фонемы *ä* в бавлинском диалекте [Тараканов 1959в: 188], сохранение лабиального характера гласной фонемой *ö* [Тараканов 1982: 128–129], сохранение *ü* в бавлинском диалекте [Тараканов 1959в: 189; 1982: 128–129], *i* > *ä* в “диалектах периферийно-южного наречия и бесермянском наречии” [Тараканов 1982: 129], сохранение *ŋ* в том же диалекте [Тараканов 1959в: 191; 1982: 128–129], фиксация ударения на последнем слоге слова [Тараканов 1998: 76] и др.);

6) влияние соседних диалектов (“В звуковом же составе южных удмуртов, проживающих на территории Удмуртской АССР, произошло, очевидно, изменение под воздействием соседних удмуртских диалектов, претерпевших в этом отношении изменение несколько раньше. Только этим можно объяснить, по нашему мнению, передвижение в ту или иную сторону артикуляции звуков *ö*, *ä*, а также исчезновение в части южных говоров фонемы *ü*” [Тараканов 1959в: 202]);

7) изолированное или окраинное положение диалекта (сохранение *ü*, *ö*, *ŋ* и *ä* в бавлинском [Тараканов 1998: 87–88]. И т. д.

4. В работах И. В. Тараканова, обзорно использованных мною в данной статье, весьма часты описки, оговорки, неточности, случаи недоговоренности и попросту ошибки. Одни описки вроде бы не нарушают смысла текста, поскольку можно догадаться, что должно было стоять на месте неточно и ошибочно написанного. Однако имеются и такие, которые, к сожалению, приводят к неверным представлениям относительно анализируемого в работе явления. Часть ошибок, описок и неточностей, обнаруженных мною в попутно цитированных отрывках и предложениях из трудов юбиляра, была исправлена выше. Вот два типичных примера.

Так, в предложении: “На основе сравнительного анализа языкового материала рассматриваемого диалекта он (В. И. Лыткин. – В. К.) показывает, что бавлинскому *ü* последовательно соответствует общекоми открытое *o*, а звуку *ü* соответствует диалектное верхнесысольское закрытое *ö* и коми-язьвинское ударное *u*, идущие своими корнями к общепермскому языку-основе” [Тараканов 1998: 82] – очевидно, что под бавлинским *ü* в первом случае скрывается одна фонема, во втором случае – иная. Когда какая – читателю невозможно догадаться.

В цитате: “В учинском говоре кукморского и бавлинском диалектах влияние произносительных норм татарского языка привело к слиянию общепермских аффрикат *š* (*š*), *č* (*č*) с фрикативными *z'* (*z'*), *m'* (*t'*), в результате чего произошло уменьшение состава фонем в ряду согласных указанных говоров” [Тараканов 1982: 129] – при всей притягательности подобного утверждения для не искушенного в области исторической фонетики удмуртского языка читателя (студента, аспиранта и др.) оно все же содержит ряд неточностей и

ошибок: 1) “общепермские” (наверное, достаточно было бы: “общеудмуртские”) палатальные аффрикаты \tilde{z} и \tilde{c} в транскрипции на латинице обозначаются не теми знаками, что у автора (\tilde{z} и \tilde{c}), а несколько иначе — \tilde{z} (или \tilde{z}') и \tilde{c} (или \tilde{c}') соответственно; 2) вышеуказанные аффрикаты “сливаются” в учинском говоре кукморского диалекта фонемами z' (z') и c' (s'), а в бавлинском диалекте — фонемами d' (d') и m' (t') соответственно, а не “среднеарифметическими” z' и m' , как представлено автором; 3) утверждение, что дезаффрикация \tilde{z} ($> z'$) и \tilde{c} ($> c'$) состоялась под влиянием татарского языка, вполне убедительно, поскольку соответствующие им татарские фонемы $ж$ и $ч$ имеют щелевое произношение; предположение же об изменении их в смычные d' и m' под влиянием татарских щелевых согласных требует серьезной аргументации. И т. д., и т. п.

5. Подведя итог несколько эскизному — с позиций современности — исследованию вклада И. В. Тараканова в историческую фонетику удмуртского языка, я бы сделал следующие предварительные замечания:

1) в его трудах объектом анализа стал широкий круг проблем формирования и развития отдельных явлений и сторон фонетической системы удмуртских диалектов и литературного языка; по крайней мере, никто из удмуртских лингвистов — его предшественников и старших современников — не касался такого широкого спектра проблем истории удмуртского языка;

2) для выполнения подобных целей И. В. Тараканов, как никто другой из предыдущих удмуртских лингвистов, предельно полно использовал богатый арсенал как отечественных, так и зарубежных публикаций, исполненных на самых различных (русском, немецком, финском, эстонском и др.) языках, и этим он явился живым примером для своих современников и последователей;

3) он исследовал явления и процессы разрозненно, как писали относительно младограмматиков их последователи из структуралистов, “атомарно”, и посему не построил — да он и не ставил такой цели — целостной картины формирования и развития фонетической системы удмуртского языка, поскольку его историко-фонетические выкладки зачастую оказались не основными в его исследовательской практике, а попутными при решении других проблем — диалектологических, лексикологических, контактологических, грамматических и др.

Тем не менее именно И. В. Тараканов своими статьями-кирпичиками сложил ту печку в исторической фонетике удмуртского языка, от которой нетрудно было уже танцевать далее. И каждый желающий получал от этой печки столько тепла, сколько способен был сам.

Что касается лично меня, то историко-фонетические штудии профессора И. В. Тараканова (тогда еще еще не доктора, и даже не кандидата), включенные в рукопись его диссертации по диалектологии, стали теми вратами, через которые я прошел — возможно, даже сам до конца не осознавая этого в свое время — в диахроническую фонетику удмуртского языка.

Условные сокращения языков и диалектов

бавл. — бавлинский диалект; *башк.* — башкирский язык; *диал.* — диалект, диалектная форма; *лит.* — литературный язык, литературная форма; *мар.* — марийский язык; *мокша-морд.* — мокша-мордовский язык; *лю.* — периферийно-южные говоры,

периферийно-южный диалект, периферийно-южное наречие; *рус.* – русский язык; *сев.* – северный диалект, северное наречие; *тат.* – татарский язык; *удм.* – удмуртский язык; *чув.* – чувашский язык; *фин.* – финский язык; *эст.* – эстонский язык; *южн.* – южный диалект, южное наречие.

Список литературы

Бубрих Д. В. Историческая фонетика удмуртского языка (сравнительно с коми языком) / НИИ ист., языка, лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. 112 с.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка / ЦИК СССР. Ленинград. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе. Л.: Изд-во Ленингр. вост. ин-та, 1927. 160 с.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: Дис. ... канд. филол. наук / АН СССР. Инт-т языкозн. М.: 1969. XXX + 475 + 172 с.

Кельмаков В. К. Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка // Советская тюркология. 1974. № 3. С. 52–60.

Кельмаков В. К. Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1992. 176 с.

Кельмаков В. К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Препринт / Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1993. 58 с.

Кельмаков В. К. Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск, 1997. С. 52–75.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми филиал. М.: Наука, 1970. 386 с.

Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Дис. ... канд. филол. наук / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1959.

Тараканов И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1959а. 19 с.

Тараканов И. В. Об ударении в удмуртском языке // Известия АН ЭССР. Т. 8: Серия общественных наук. № 2. Таллинн, 1959б. С. 170–177.

Тараканов И. В. О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка // Ученые записки / Тартуский гос. ун-т. Тарту, 1959в. Вып. 77: Труды по языкознанию. С. 186–205.

Тараканов И. В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке: На материале бавлинского диалекта // Труды Ин-та языка и лит. АН ЭССР. Таллинн: Эст. гос. изд-во, 1960. С. 117–153.

Тараканов И. В. К вопросу истории и развития неслогового *ў* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкозн. Петрозаводский ин-т ЯЛИ. М.; Л.: Наука, 1964. С. 75–82.

Тараканов И. В. О некоторых фонетических процессах в диалектах удмуртского языка // СФУ. 1967. № 3 (III). С. 191–198.

Тараканов И. В. Об особенностях развития островных говоров и некоторых явлениях языковой интерференции // Лингвистическая география, диалектология и история языка / АН СССР. ОЛЯ. Науч. совет по диалектологии и истории языка. АН Арм. ССР. Ин-т языка. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1976. С. 272–282.

Тараканов И. В. О болгарских заимствованиях в удмуртском языке // Труды / Чув. НИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. С. 127–136.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

Тараканов И. В. Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для высших учебных заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998. 484 с.

Tarakanov I. Udmurdi keele Uvaa-Vavoži murrakute rühma häälikuline koostis ja mõned foneetilis-morfoloogilised erijooned // ESA. 1963. IX. Lk. 188–202.

Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu. 1896. 2 (XIV). P. 1–48.

Uotila T. E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933. XVIII + 446 S.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. Helsingfors, 1903. 170 S.

Wichmann Y. Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wotjakischen mit Rücksicht auf das Syrjänische. Helsinki, 1915. XIV + 96 S.